

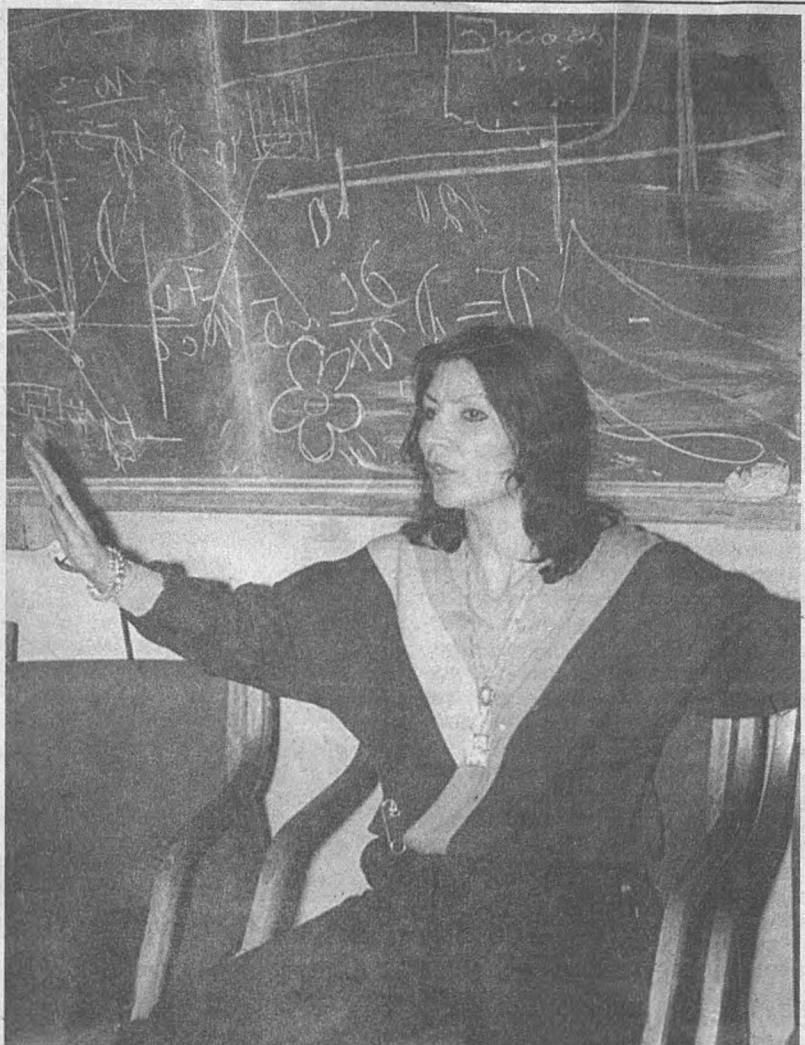
С Джуной я познакомился, уже когда о ней сочиняли стихи. По ее словам, начало этому положил поэт Александр Межиров, еще в ее бытность в Тбилиси, затем в Москве о ней написали самые известные наши поэты: Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко... Я услышал, какими словами говорила о ней публично Белла Ахмадулина. Ее портрет выставил в Манеже Илья Глазунов... За что такая честь? Вот об этом я и хочу рассказать прозой, процитировав сначала строки некоторых стихотворений.

Нет, я не трепетная лань,
Меня догнать не так-то просто!
Довольно протянуть мне длань
И я уже за тем, за мостом...

Могу взойти на Млечный путь,
На тот, что людям не подвластен
И в тайны мира заглянуть,
И рассказать, как он прекрасен.

Могу спуститься в адов ад
И сердце твердым быть заставить,
Из хаоса исторгнуть лад,
И силу рук людских прославить.

Могу заколдовать весь мир,
Чтоб вместо грома грянул — пир!
Угнаться вам за мной непросто:
Нет, я не ведьма, не колдун!
Я Джуна, а не Калиостро!

Вел. Москва. — 1995. — 25 авг. — с. 4.

Моя первая встреча с Джуной

Исключение составляли Аркадий Райкин и Роберт Рождественский. С ними она удалялась в отдельную комнату...

Из истории целительства

Он сам не гадал, отчего, почему, летал — вот и все. Но гадали другие, за что от рождения досталось ему высокого неба поля голубые. А он улыбался: «Я вас научу. Хотите лететь? Я открою секреты. Вы только поймите, что я не шушу, поверьте в себя — и сумеете это». Но люди смотрели, как быстро с земли он вверх поднимался свободно и смело, да только поверить в себя не могли. Выходит, и это — нелегкое дело...

У меня Джуна вызывала иные чувства. Еще в глаза тогда бросилось иное: отсутствие порядка, шум и неразбериха, бесконечные телефонные звонки, хлопанье дверей, все то, что так не подходит к таинству исцеления.

Было поэтому так неожиданным вдруг оказаться в комнате вдвоем, где никто не шумел, не смотрел на Джуну умоляющими глазами, в ожидании пока она начнет священнодействовать руками-крыльями.

Часа два мы смогли поговорить без помех. Меня интересовали подробности ее жизни, волновал вопрос — видит ли она действительно так называемую «ауру», свечение над головами людей, о котором писал А. Г. Спиркин. Главное — хотелось на себе испытать способности Джуны, хотелось, чтобы она продиагностировала, дала почувствовать свой дар.

Всему, что она говорила, я мог верить и не верить — доказательств никаких не было, все могло показаться. Но когда Джуна, посмотрев мне в глаза, сказала, что один мой глаз, правый, сигналит ей слабее левого, — я потерял покой. Увидеть это невозможно, мои родственники и знакомые не замечают никогда моего недостатка зрения. Диагноз — врожденный астигматизм, зрение на правый глаз — 0,1, хотя повторяю, увидеть, что глаз плох, невозможно. Окулисты устанавливают болезнь, только заглянув в глаз через увеличительное стекло.

От Джуны я, не теряя времени, пришел домой и на одном дыхании написал репортаж: воспользовавшись тем, что домашние находились в это время в Карпатах, в санатории, где моя одиннадцатилетняя тогда дочь принимала курс лечения после перенесенной тяжелой желтухи. У нее увеличилась, как это обычно бывает после этой болезни, печень.

Репортаж я спрятал в письменный стол, а на следующий день, встретив жену и ребенка, не дав им передохнуть с дороги, повез к Джуне, не предупреждая ее о моем визите. Впрочем она не удивилась. Ничего не спрашивая, усадила перед собой на диван жену и дочь и сначала поведала о медицинских проблемах жены, а потом, протянув руку к дочери, сразу сказала о главном:

— У нее увеличена печень, она недавно перенесла желтуху, ей внесли инфекцию.

Это действительно было именно так: внесли инфекцию во время прививки в школе, где желтухой заболело сразу несколько одноклассников. Кроме того Джуна заметила, что у дочки болит горло, она простужена: тоже оказалось сущей правдой, тонзиллит не давал нам покоя.

Джуна протянула руку к печени. Ре-

бенок мой, не дожидаясь вопроса, сказал, что почувствовал тепло. От Джуны жена поехала в поликлинику, где терапевт подтвердил: да, печень, увеличена, несмотря на то, что почти месяц проводился курс лечения в специализированном санатории.

Таким образом, вместе с ребенком я начал каждый день носить визиты Джуне. Где-то на шестой или седьмой день она, как это обычно делает, когда довольна результатом, глубоко вздохнула и коротко сказала: «Все, теперь у нее норма. Через месяц повторим курс для профилактики». Опять мы проехали в детскую поликлинику, к терапевту, и тот подтвердил: печень вошла в норму, сказался, по-видимому, результат лечения в Карпатах.

Вот тогда я впервые понял, что врачам доказать воздействие Джуны будет очень трудно. Действительно, эффект лечения на курорте мог сказаться не сразу, наконец, скажется, печень и сама под влиянием защитных сил организма справляется с недугом.

Жена во время посещений Джуны лечила отложение солей, доставлявшие ей месячными неприятные ощущения. На седьмой день боль в затылке исчезла, она даже не заметила, как это произошло, забыла, что собиралась днем ехать к Джуне. И не поехала. А я — зачастил.

Джуна начинала работу довольно поздно, после полудня. К тому времени квартира набивалась людьми. Приняв всех, наскоро перекусив всухоматку, уносилась в очередную поликлинику. Я беседовал с людьми и узнавал разные удивительные истории. Большинство их никому неизвестны, потому что Джуна никаких записей не ведет. Некоторые благодарные люди оставляли ей свои, как она говорила, отзывы. Их накопилось к моему приходу несколько десятков. Она со всех сняла копии и сброшюровала «отзывы» в книгу.

Она хранит теперь у меня. И могла бы быть издана как интереснейший документ в истории целительства методом «наложения рук». Кроме «отзывов», есть на страницах книги рентгено снимки, кардиограммы, результаты онкологических наблюдений, фотографии, сделанные с экрана термовизора, одним словом, — объективные показания.

Эффект Джуны лучше всего проявлялся на детях, страдавших косоглазием. К ней приносили на руках младенцев с этим врожденным недугом. Как рассказывали родители, эту болезнь обычно начинают лечить, когда дети подрастают, процесс лечения при этом длительный. На моих глазах к Джуне подносили младенца, и она, не прикасаясь руками к его глазкам, как бы поглаживала розовое личико. Не минуты, а секунды длилось воздействие. Я застал молодую пару, которая принесла Джуне младенца последний, седьмой по счету, раз. Счастливая мать дала мне полюбоваться на глаза младенца, ставшие такими, как у всех здоровых детей. Таких случаев я наблюдал несколько. Именно они, рассеяли тогда мои последние сомнения. Эффект от лечения руками Джуны был налицо. Дети, как известно, в таком младенческом возрасте, не поддаются гипнозу и внушению. Воздействие такого рода на кривизну глаз вообще исключается. Само собой — косоглазие, увы, не проходит. В возрасте нескольких месяцев даже не лечат косоглазие. Вот и выходит, что ничем другим, кроме как воздействием Джуны, объяснить исцеление нельзя.

Как раз в те неожиданно обратился ко мне редактор «Вечерней Москвы» Семен Давыдович Индурский с просьбой представить его Джуне. Приехал он ко мне на машине, и отправились мы без предупреждения по известному мне адресу.

Эту встречу я запомнил очень хорошо. Вошли мы вдвоем в комнату, стоя познакомились. Не приглашая сест, Джуна сказала почтенному Семену Давыдовичу, обращаясь к нему на «ты»: «Да у тебя нога болят! Пройди по комнате!». Так оно и было, о чем я не знал. Поводила недолго она рукой у колена и предложила приехать завтра. Больше вместе мы не ездили.

Через некоторое время я спросил, случайно встретив Индурского в вестибюле издательства: «Ну, как вам понравилась девушка?» — и услышал из уст сурового редактора, скупко выражавшего свои эмоции, такие слова, которые он произнес картавя: «Хогшоная баба, Джуна!».

Лев КОЛОДНЫЙ

Надеюсь, читатель после такого явления не подумает, что моя героиня умеет вытворять разные чудеса, здесь декларированные. Все это — поэтические вольности, но вот что она «силу рук людских восславляла» — факт доказанный.

...Проинформированный о «чудесах» Джуны, я без стука вошел в дверь квартиры, предоставленной в ее распоряжение. Квартира находилась на верхнем этаже многоэтажного дома. По его лестнице, начиная от подъезда, вдоль стен на ступенях и площадках, стояли люди. Они ждали своей очереди. Очередь вела себя тихо, чтобы не нарушить покой жильцов, подвергшихся нашествию непрощенных гостей.

Зашел я в обычную московскую квартиру. Большая смежная комната, заставленная по стенам мебелью, увешанная сувенирами, привезенными из зарубежных поездок (сомбреро, африканские маски и тому подобное), являлась приемной Джуны. Здесь я ее впервые увидел. Стройная, выше среднего роста, похожая на цыганку, как мне показалось, молодая женщина, необычно подвижная и темпераментная, была вся заряжена жизненной силой. В одно и то же время Джуна разглядывала всех, кто входил, переговаривалась с домашними — родственниками и знакомыми, помогавшими ей по хозяйству и в уходе за маленьким сыном, брала часто звонивший телефон, вела бурные переговоры на русском, грузинском и ассирийском языках и в то же время помахивала руками над головой, плечами, грудью, животом, ногами тех, кто стоял перед ней. Иногда она сажала страждущего в кресло, если это ей почему-то требовалось, процедура продолжалась недолго, всего несколько минут, кому доставалось полторы, кому две и три минуты, кому больше. Но все вершилось довольно быстро — люди входили и уходили, не особенно задерживаясь.

В числе тех, кто заполнял квартиру, я начал различать знакомые лица, виденные до этого на экране телевизора. Прошел в дверь, ни на кого не глядя, известный писатель, начавший творческий путь с благословения Максима Горького. Появился молчаливый композитор, чьи песни пела вся страна. Вошел широкоплечий эстрадный певец и другие столь же популярные люди.

Джуна всем уделяла одинаковое внимание, а порой, как это случалось с эстрадным певцом — вообще никакого внимания не уделяла. Видимое исключение составляли, пожалуй, только двое — артист Аркадий Райкин и поэт Роберт Рождественский. С ними она удалялась в маленькую изолированную комнату и проводила сеанс более длительный.

Вот в эту маленькую комнату пригласила она и меня после долгого ожидания. Впрочем, я не спешил, осваивался с необычной обстановкой.

В тот день со мной пришла к Джуне знакомая мне журналистка К., женщина средних лет. Но с иной целью, чем я. Не писать. Лечиться. Упросила Джуну продиагностировать.

Встала она перед К. и словно начала читать, глядя на больную, как на афишу, не поднимая рук:

- Хронический холецистит. Беспокоит давно.
- Часто тошнит.
- Шейный позвонок забит солями.
- Гинекология в порядке.
- Нарушение нервной вегетативной системы.
- В целом здорова. Предрасположения к раковым опухолям нет.

Моя знакомая стояла онемевшая. Довольная произведенным эффектом, Джуна пояснила:

- Это я диагностировала общее состояние. Но могу каждый орган в отдельности проверить. И глаза, и уши...

Тишина длилась недолго.

- Дайте мне кафедру и институт. Я хочу раскрыть медикам глаза, — заговорила она вдруг с яростью, обращаясь к нам, журналистам. Так я впервые услышал и увидел Джуну в роли проповедника, хотя, честно говоря, не придавал тогда особого значения ее словам. Лечить и диагностировать — это я считал возможным. Но дать кафедру и институт?!

Спустя семь дней после первого стихотворения, посвященного Джуне, поэт И. Панова написала новые стихи, поддавшись страстному желанию своей героини передать людям свой дар.

Один человек научился летать и было ему удивительно просто, ну, скажем, рукою до тучи достать, хоть был он не очень высокого роста.